

На соискание
Государственной
премии СССР

Трилогия А. Толстого— на сцене

Для ЛЕНИНГРАДСКОГО драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской историческая тема, можно сказать, личная. Созданный осенью 1942 года, в суровую пору блокады, он с первых дней своего существования оказался на переднем крае великой исторической битвы. И это чувство причастности к свершениям эпохи бережно сохранил. «Большевики» и «Синие кони на красной траве» М. Шатрова, «Возвращение на круги своя...» И. Друцэ, «Дни Турбиных» М. Булгакова, «Генерал Серпилин» по роману К. Симонова «Солдатами не рождаются», «Выбор» Ю. Бондарева — в каждом из этих спектаклей можно уловить стремление к обобщенной «формуле» времени.

Появление на сцене «комиссаржевцев» драматической трилогии А. К. Толстого — «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис» (постановка народного артиста СССР Р. С. Агамирзяна, художник — заслуженный деятель искусств РСФСР Э. С. Кочергина) вполне логично и закономерно. Спектакли идут три вечера подряд. Каждый из них автономен, но лишь до определенной степени, ибо отдельно взятый не дает полного представления о замысле создателей трилогии. Театр стремился дать монументальную, эпического охвата картину жизни.

Показывая последние мрачные страницы царствования Ивана Грозного, беспомощные попытки Федора «царить по совести», исследуя, как добивается власти «вчерашний раб» Годунов, как сплетается клубок политических интриг, режиссер и художник вслед за драматургом добиваются правды художественной, резко высвечивают нравственную и психологическую стороны исторических событий. Самодержавная власть, антинародная по своей сути, искажает личность человека, поставленного над народом, растлевает его окружение, смещает нормы общественной морали. Благоую цель нельзя достичь жестокостью, потворством злу.

Оформление Э. С. Кочергина (а это, пожалуй, одна из лучших его работ в театре) кон-

кретно и вместе с тем метафорично. Нет ни грана «оперности», но нет и прозаизма. Тяжелая кованая стена, с зарешеченными, неровно расположенными окошками и вделанными в ее металл иконами, перерезает поперек планшет сцены. Она то отступает, словно давая простор разгулу эгоистических страстей, то надвигается, приближая к последней черте героев трагедии.

Темный блеск металла, густые лиловато-коричневые краски не могут погасить ярких вспышек красно-белых рубах скоморохов. Мерцание свечей оживляет самый глубокий мрак. Для создателей трилогии чрезвычайно важны эти всплески света, как знак неиссякаемой жизни.

Все три спектакля — «ансамблевые», тут очевидно эстетическое единодушие труппы. Хороших, тонких актерских работ много. И все же успех постановки зависит прежде всего от исполнителей центральных ролей.

Непривычно будничен Иван Грозный М. Храброва. Величие деспота обращается в капризное фиглярство. Наигранное самоунижение вдруг переходит в акт самоуничтожения. Пустая душа, опасная для живых, проглядывает в его глазах.

Царь Федор В. Особика — болезненно хрупкий, нервный. Тщетно пытается он «все примирить, все сгладить». У него нет силы души, нет опоры, и пусть не по его воле, но в его царствование свершаются преступления и казни. Больная душа, больная совесть. Панически бежит Федор от протянутых к нему рук, от шума голосов, обреченный на одиночество, отдавший государство тому, в чье нравственное право на власть не верит.

И наконец, Борис С. Ландграфа. Образ в трилогии, быть может, главный. Судьба, проходящая сквозь три пьесы, сопряженная с судьбами Ивана и Федора, с судьбой государства, поставленного им. Годуновым, на грань трагической смуты. Борис пытается взять на себя право распоряжаться судьбами мира, судьбами народа, ради этого он отречется от нравственных законов. С. Ландграф убедительно показывает эту постепенную утрату душевной энергии, неминуемый моральный крах.

А над борьбой властолюбцев торжествует ход жизни, ход истории. В горьком и бесшабашно озорном балагане скоморохов, возникающем в каждом из трех трагедий, — ирония и мудрость народного взгляда. Подвластные царям, они все же вознесены над ними. Им принадлежит право суда.

Постановка трилогии А. К. Толстого вновь убедила в идейно-эстетической зрелости театра, гражданской направленности его творческого поиска. Спектакли были показаны в Баку и Красноярске, Ереване и Риге, Тбилиси и Иркутске, Хабаровске и Воронеже, в Тюмени, Сургуте и Владивостоке. Везде были полные залы. Широкое признание, несомненно, подтверждает закономерность выдвижения театра на соискание Государственной премии.

Г. ЛАНКИНА,
доктор искусствоведения, профессор.